

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1971. Том 2 С. 44 -49.

-- Папа, расскажи мне какую-нибудь сказку... Да слушай же, что я тебе говорю, папочка-аа...

При этом семилетний Котик (его имя было Константин), сидевший на коленях у Холщевникова, старался обеими руками повернуть к себе голову отца. Мальчика удивляло и даже немного беспокоило, зачем это папа вот уже целых пять минут смотрит на огонь лампы такими странными глазами, неподвижными, как будто бы улыбающимися и влажными.

-- Да па-па же-е,-- протянул Котик плаксиво.-- Ну чего ты со мной не разговариваешь?

Иван Тимофеевич слышал нетерпеливые слова своего сына, но никак не мог сбросить с себя того страшного очарования, которое овладевает человеком, засмотревшимся на блестящий предмет. Кроме яркого света лампы, к этому очарованию примешивались и обаяние тихого, теплого летнего вечера, и уютность небольшой, но миленькой дачной террасы, затканной диким виноградом, неподвижная зелень которого при искусственном освещении приобрела фантастический, бледный и резкий оттенок.

Лампа под зеленым матовым абажуром бросала на скатерть стола яркий ровный круг... Иван Тимофеевич видел в этом круге две близко склонившиеся головы: одну -- женскую, белокурую, с нежными и тонкими чертами лица, другую -- гордую и красивую голову юноши, с которой черные волнистые волосы падали небрежно на плечи, на смуглый смелый лоб и на большие черные глаза, такие горячие, выразительные, правдивые глаза. На своих щеках и на своей шее Холщевников чувствовал прикосновение нежных рук Котика и его теплое дыхание, даже слышал запах его волос, слегка выгоревших за лето на солнце и напоминавших запах перьев маленькой птички. Все это вместе сливалось в такое гармоничное, такое радостное и светлое впечатление, что глаза Холщевникова невольно начали щипать благодарные слезы.

Две головы, склонившиеся около лампы и почти касавшиеся волосами, принадлежали жене Холщевникова и Григорию Баханину, его лучшему другу и ученику. Иван Тимофеевич с искренней, горячей и заботливой любовью относился к этому пылкому и беспорядочному молодому человеку, в картинах которого опытный глаз учителя давно уже прозрел дар широкой и дерзкой кисти громадного таланта. В душе Холщевникова совсем не было зависти, столь свойственной бурной и вульгарной среде художников. Наоборот, он гордился тем, что будущая знаменитость -- Баханин -- брал у него первые уроки и что его жена, Лидия, раньше всех признала и оценила его ученика.

Баханин, молча и не отрываясь, чертил карандашом на лежавшем перед ним листе бристольской бумаги, и из-под его руки выходили карикатуры, виньетки, животные в человеческих костюмах, изящно сплетенные инициалы, пародии на картины, выставленные в Академии художеств, тонкие женские профили... Эти небрежные наброски, на которых каждый штрих поражал смелостью и талантом, быстро сменялись один за другим, вызывая на лице Лидии Львовны, внимательно следившей за карандашом художника, то усиленное внимание, то веселую улыбку.

-- Ну вот какой ты, папа. Сам обещаешь, а сам теперь молчишь,-- протянул обидчиво Котик. При этом он надул губки, опустил низко голову и, теребя свои пальцы, замотал ногами.

Холщевников обернулся к нему и, чтобы загладить свою вину, обнял его.

-- Ну, хорошо, хорошо, Котик. Я тебе расскажу сейчас сказку. Не сердись... Только... Что бы тебе рассказать?..

Он задумался.

-- Про медведя, которому отрубили лапу? -- сказал Котик, облегченно вздыхая.-- Только я это уже знаю.

Внезапно в голове Холщевникова сверкнула вдохновенная мысль. Разве жизнь его не может послужить темой для хорошей, трогательной сказки? Разве давно это было? -- всего двенадцать лет тому назад,-- когда он, бедный, неизвестный художник, затираемый начальством, оскорбляемый самообожанием, невежеством и рекламированием бездарностей, не раз ослабевал, терял голову в жестокой борьбе с жизнью и проклинал тот час, когда взялся за кисть. В это тяжелое время на его пути встретилась Лидия. Она была гораздо моложе его, она была ослепительно красива, умна, окружена поклонниками. Он, бедный, невзрачный, болезненный, испуганный жизнью, и мечтать не смел о любви этого высшего обворожительного существа. Но она первая уверовала в него, первая протянула ему руку. Когда, утомленный неудачами и бедностью, потерявший силу и надежду, он падал духом, она ободряла его лаской, нежной заботой, веселой шуткой. И ее любовь восторжествовала... Теперь имя Холщевникова